

Научная статья
УДК 2-12 + 004.77:2-2 + 13:141.332
doi: 10.15826/tetm.2024.2.066

Практики и технологии отмены в цифровом пространстве: символические коды интернет-мемов и хештегов о религии

Ольга Михайловна Фархитдинова

Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия
ofarhetdin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8459-0711>

Аннотация. Мемификация и хештегирование в их функциональном назначении рассматриваются как следствия распространения технологий визуализации коллективной памяти. Теоретические рамки статьи обусловлены научными подходами М. Хальбвакса, Дж. Олика, С. И. Каспэ. Предложен анализ практик отмены коллективной памяти в цифровом пространстве на примере разбора образно-смысловых (интернет-мемов о традиционных религиях) и лингвистически-смысловых компонентов (хештегов о религии) в цифровом пространстве. Сделаны выводы о том, что оцифровка традиционных символов приводит к формированию совокупности новых форм; гибридизация традиционных символов способствует формированию цифровых повествований и созданию «новой» онтологии религии; распространение цифровых интерпретаций связано с порождением дополнительных сред присутствия религиозного смысла, эвангеликализмом как социокультурным источником «культуры отмены».

Ключевые слова: хештеги и мемы о религии, гибридизация традиционных символов, цифровые повествования о религии, «новая» онтология религии

Для цитирования: Фархитдинова О. М. Практики и технологии отмены в цифровом пространстве: символические коды интернет-мемов и хештегов о религии // *Tempus et Memoria*. 2024. Т. 5, № 2. С. 17–27. <https://doi.org/10.15826/tetm.2024.2.066>

Original article

Cancellation Practices and Technologies in the Digital Space: Symbolic Codes of Internet Memes and Hashtags about Religion

Olga M. Farkhitdinova

Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia
ofarhetdin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8459-0711>

Abstract. Memification and hashtagging in their functional purpose are considered as consequences of the spread of technologies for visualizing collective memory. The theoretical framework of the article is

© Фархитдинова О. М., 2024

determined by the scientific approaches of M. Halbwaks, J. Olik, S. I. Kaspé. The analysis of the practices of the abolition of collective memory in the digital space is proposed by the example of the analysis of figurative-semantic (Internet memes about traditional religions) and linguistic-semantic components (hashtags about religion) in the digital space. It is concluded that the digitization of traditional symbols leads to the formation of a set of new forms; The hybridization of traditional symbols contributes to the formation of digital narratives and the creation of a “new” ontology of religion; the spread of digital interpretations is associated with the creation of additional environments for the presence of religious meaning, evangelicalism as a socio-cultural source of the “culture of cancellation”.

Key words: hashtags and memes about religion, hybridization of traditional symbols, digital narratives about religion, a “new” ontology of religion

For citation: Farkhitdinova, O. M. (2024). Praktiki i tekhnologii otmeny v tsifrovom prostranstve: simbolicheskie kody internet-memov i kheshtegov o religii [Cancellation Practices and Technologies in the Digital Space: Symbolic Codes of Internet Memes and Hashtags about Religion]. *Tempus et Memoria*. 5, 2, 17–27. <https://doi.org/10.15826/tetm.2024.2.066>

В первой четверти XXI в. основательно заняли свои позиции новые формы организации системно обусловленного знания в цифровой среде, такие как мем и хештег. Рассматриваемые в статье мемификация и хештегирование в таком их значении, как развивающиеся формы организации информации, представляют интерес, так как в них помимо процессов освоения цифрового пространства своеобразно нашла воплощение идея о результативности применения маркетинговых инструментов в иных институциональных средах, а именно принципов организации представлений о религии в цифровой среде. Так, в отношении коллективной памяти различных религий «практики отмены», задействованные в цифровой среде, проявляются в наборе образно-смысловых сюжетов, функционирующих на уровне мемов различного происхождения и лингвистически-смысловых компонентов типа хештега. Следует пояснить, что хештег как продукт символической природы может рассматриваться в качестве наиболее успешной (для периода с 2020 по 2024 г.) формы организации больших объемов информации о прагматизации религии. В этой связи такая разновидность системного мира, как большие данные, отличительной чертой которых является подверженность постоянному увеличению, привлекает внимание современных исследователей гуманитарного профиля по двум причинам: 1) большие данные как явление сопряжены с пересмотром статуса и роли социальных процессов в обществе; 2) большие данные как концепция, с присущей ей функциональной обусловленностью

оказывают влияние на разнообразие новых исследовательских тем.

Рассмотрим каждую из названных форм организации в ее специальном значении, важном для понимания процессов, связанных с практиками и технологиями отмены в цифровой среде относительно содержательного наполнения такого фундаментального феномена современности, как религия.

Хештегирование помимо мобилизационного потенциала, в значении, примененном Т. А. ван Дейком, который функционально воспроизводится в этом процессе в цифровом пространстве, направлено на реализацию функции структурирования информационного потока, а хештеги могут функционировать как инструменты фрейминга (сборки) и рефрейминга (разборки) (М. В. Ларионова, А. В. Демкина) микроидеологий (С. Н. Федорченко). В этом смысле хештег целесообразно рассматривать как пример применения технологии для наполнения новыми лингвистически-смысловыми компонентами цифровой среды.

В исследовании этого вида организации информации целесообразно задействовать междисциплинарный подход, в нашем случае сравнительного религиоведения, в рамках которого есть возможность рассматривать хештег как источник для исследования изменений, связанных с восприятием религии. Типологизация хештегов в отношении религии еще находится в стадии становления и ждет своего исследователя, однако в рамках заявленной темы уже устойчиво оформились такие новые векторные темы, как #религия#искусственный интеллект; #религия#сетевые

технологии; #цифровая религия; #религия и цифра.

С момента появления дополнительного объема социальных значений религии в современном обществе второй обозначенный вид организации темы религии — мемы, которые могут быть рассмотрены как практики «культуры отмены». Помимо выявления структурной и содержательной частей в отношении мема в заявленном контексте следует указать на активизацию внимания к его (мема) инструментальной роли. Такой аспект интерпретации появился с момента понимания мема как явления культурной среды. Именно инструментализм как способ рассмотрения явлений и процессов современной действительности из феномена культуры позволил сформироваться явлению социальной практики человека, организующей его поведение в построенных средах.

В этой связи предлагается ввести разграничение: 1) мемы о религии, создание которых привело к появлению феномена определенной социальной практики человека; 2) мемы, которые рассматриваются как инструменты влияния и переосмысления вероучительного опыта прошлого; 3) мемы как нарратив, рамками которого создается «новая» онтология религии.

Начнем с того, что в конце XX в. мем как явление стал неотъемлемой частью современной интернет-коммуникации. Особенностью мем-коммуникации в интернет-среде стали выдвижение на первое место знака, чаще всего в виде символа, и его визуализация. Однако уже в XXI в. мемификацию стали рассматривать как одну из практик гибридизации традиционных символов, в этом смысле целесообразно поставить вопрос об исследовании особенностей этого процесса как проявляющейся технологии.

Итак, у мема как определенным образом структурированной информации есть типовая конструкция, что важно для его создателя (производителя), для пользователя же мем становится «интересен эффектом “калейдоскопа”, а именно сочетанием важного и бессмысленного, ироничного» [Федорченко, 270].

Рассмотрим существенный признак, который мем как явление проявил благодаря функционированию в цифровой среде, — интертекстуальность. Время возникновения мема как феномена и последующее формирование

в нем свойств, позволяющих его рассматривать как часть современной интернет-коммуникации, обращает внимание исследователей на ресурс его применения. Так, «смешение онлайн- и оффлайн-дискурса приводит к перемешиванию “своих” смыслов и “чужих”, активизируя проблему интертекстуальности мема, породившую специфическую мем-культуру» [Рябова, 126]. Данное изменение нашло воплощение в том, как определяется функциональная роль мема сегодня, а именно из единицы поликодовой информации мем трансформировался в структурированную определенным образом составляющую интернет-коммуникации, нацеленную на производство сообщения.

В этой связи необходимо рассмотреть причины, по которым мемы получили гораздо более широкое применение. Их функциональное назначение не ограничивается исключительно тем, что это способ распространения информации и влияния на сознание людей, то есть недостаточно сказать, что природа мема, например как инструмента пропаганды, в современном мире претерпела изменения. Рассматривая мем как практику публичного отзыва поддержки публичных фигур, форму публичного порицания, интерес представляет именно динамика изменения отношения от отзыва поддержки к порицанию, так как факт отзыва поддержки — это сформированная устойчивая форма состоявшегося сомнения в том, что ранее рассматривалось как установка на определенный формат поведения и действия. А вот наличие возможности для выражения публичного порицания предполагает уже созданную для этого среду, тогда как форма публичного порицания есть уже пересмотр вектора ценностного наполнения поведенческих моделей.

Предваряя обоснование полученных выводов, предлагаю ряд суждений о принципиальном значении символа и его визуализации в цифровой среде современной культуры и роли тех интерпретаций, которые наиболее часто применяются, актуализируя рефлексивные стратегии массового сознания. Символический компонент играет существенную роль при формировании повестки дня любой природы — политической, экономической, религиозной. Для настоящего исследования важно обратить внимание на процесс цифровой

трансформации, который привел к гибридации религиозных символов. Оцифровка традиционных символов и формирование новых как следствие приводит к созданию новых цифровых символических кодов. Наиболее ярко это проявляется в условиях разноуровневой легитимации политических режимов [Федорченко, 271], однако в условиях рассмотрения религии как фактора, оказывающего влияние на процессы в построенных средах (интернет-среде), цифровые символические коды представляют интерес для анализа процессов переосмысления вероучительного опыта прошлого и создания «новой» онтологии религии.

Понимание современных религиозных процессов во многом определяется тем, как воспринимается и интерпретируется религия в современном обществе. Зададимся вопросом: в каких направлениях осуществляется мем-коммуникация о религии? В массовой культуре мем-коммуникация происходит в нескольких направлениях: 1) направлена на гибридизацию традиционных символов, связанных с религией в привычном смысле слова. Как следствие, мы получаем разнообразный по стилю и жанрам контент, в котором задействовано ограниченное количество религиозной символики: чаще всего крест, солярные символы (как вариант — языческая символика), символы природы и стихий, а также их гибридизация в изображении; 2) формирование цифровых повествований о событиях с религиозным содержанием (для христианских конфессий чаще всего это «событие Иисуса», заявленное как нарратив о конкретной этической норме, либо, в более широком значении, мировоззренческой максиме); 3) создание «новой» онтологии религии в цифровой среде.

Исходя из обозначенных направлений, возникает проблема постоянного изменения среды присутствия мема и хештега. Так, существующие на сегодняшний день критерии, заложенные в основу типологий интернет-мемов, не позволяют удовлетворительно ответить на вопрос о причинах появления таких интерпретаций религии в современном обществе, хотя это удобный способ десемантизации мемплексов.

В научных исследованиях обращает на себя внимание заявленная возможность типологизации интернет-мемов на основе выделения

трех базовых критериев: способ выражения, источник возникновения и структура мема [Щурина]. Автор исходит из утверждения о том, что способ выражения мема как его наиболее функциональное значение следует рассматривать в качестве основания предложенной типологии. В частности, выделяются текстовый мем, мем-изображение, медиамем, гиф и креолизованный мем [Там же]. Интерес представляет способ рассмотрения данной темы в статье Ф. Д. Редина, где предложен опыт сравнительного исследования религиозно-ориентированных интернет-мемов, ограниченных христианским контентом [Редин, 87].

В серии статей О. Михельсон представлен анализ динамики этих изменений на основе рассмотрения процессов, их сопровождающих. Так, интерес представляет возможное развитие идеи о мемификации событий в ходе определенного воспоминания о прошлом, в частности, в процессуальном подходе это привело к формированию своего рода новой онтологии религии в цифровой среде. В соответствии с данным подходом мем интересен тем, что он всегда характеризует какую-то конкретную версию воспоминания о событии, историю. Одно из объяснений этого процесса предвосхитил в одной из своих работ П. Нора («Проблематика мест памяти»), который высказал тезис о важном моменте в разграничении памяти и истории. История, по его мнению, лишает конкретность ее конкретности, а память — это конкретный образ, жест, случай [Нора].

Динамика изменений функционального значения мема такова, что при постановке исследовательских задач выраженные посредством мемификации процессы секуляризации/десекуляризации представляют научный интерес, поскольку могут быть маркерами происходящих изменений. Например, по динамике изменений внимания к событиям с религиозным содержанием возможно проанализировать суммарный эффект от социальных практик, который приводит к формированию религиозно-подобных (либо близких к таковым) явлений. В этом проявляется одно из базовых значений мема, а именно — быть транслятором общественно значимых идей.

Признаки и основные черты выражения коллективной памяти имеют свои устойчивые формы и заимствованные из культуры образы,

существующие и воспроизводимые в обществе в определенный исторический период. Публичная природа мема проявляется в том, что задействованные образы актуализируют его способность оказывать влияние на среду присутствия. Так, «на вопрос, что конкретно есть мем, никогда нельзя ответить “механически”, но только в нижеописанном виде — через референцию к некоторому наблюдателю, а также к тому социальному окружению, в котором мем применяется» [Патцельт, 189].

Сущностное свойство мема есть своего рода трансформационный потенциал, который в нем сохраняется как наследие от «прародителей». Таким образом, актуальность изучения мемов сегодня напрямую связана с тем, что мем можно рассматривать как цифрового преемника прежних символов [Федорченко, 253]. Именно так его функциональная принадлежность заявляет о себе на уровне перераспределения векторов отношений в цифровой среде.

Итак, религиозное учение, понимаемое как коллективная память церкви или в более широком значении конкретной религии, обнаруживается в референции к наблюдателю, у которого вполне определенное религиозное поведение и религиозные чувства, с этим поведением связанные. Референция же происходит посредством образов и сюжетов, знакомых и поддерживаемых историческим прошлым.

Особый интерес при изучении динамики восприятия религии заслуживают имиджборды — специальные форумы или сетевые сообщества, где значительное внимание уделяется постам с размещением графики. Именно там создаются мемплексы как агрегаторы по воспроизводству прошлого в цифровой среде. В серии статей Патцельта была предложена интересная интерпретация установления закономерностей в этих процессах. Так, по мнению исследователя, теоретические рамки предложенной им эпимеметической системы могут рассматриваться в качестве объяснительной модели для явлений и процессов такого порядка. С другой стороны, «коммуникационная заряженность» и «пластичность», по Гаспарову, определяют еще одно важное свойство мема — его трансформационный потенциал. Наличие такого потенциала создает возможности для генерации новых смыслов, адаптации к новым коммуникативным задачам

и функционирования в разнообразных типах текстов. По этой причине выявленная специфика мема как элемента современной массовой культуры позволяет рассматривать его генезис и трансформацию различной семиотической природы.

Обратимся к практикам отмены в цифровом пространстве, их особенностям и закономерностям. Как работает механизм отмены в цифровом пространстве? Теория эпимеметической системы, предложенная Патцельтом, в основе которой охраняемая семиотическая матрица, показывает «что социокультурные самоочевидности поддерживаются двояким способом: через управление мнениями и коммуникациями и через ограничение отклонений» [Патцельт, 201]. Язык описания, сформировавшийся на фоне оцифровки базовых идей эволюционного учения, по мнению исследователя, стал наиболее результативным средством анализа динамики изменений в цифровой среде, в нашем случае — отношения к религии. Однако сам факт формирования такого языка представляет собой следствие гибридизации офлайн- и онлайн-смыслов.

Благодаря этому языку полуискусственного происхождения в цифровой среде практики отмены быстро формируются и распространяются, получают свое уникальное направление. А свойство иметь определенное векторное значение стало отличительным признаком для построенных сред. Например, «создавая историю своих городов, народов, империй, историки Античности рассчитывали заниматься историей человечества. Христианские историки, историки Возрождения и Просвещения (хотя они и признавали разнообразие «нравов») полагали, что занимаются историей человека. Современные историки отмечают, что история есть наука об эволюции человеческих обществ. Эволюция наук привела к постановке вопроса о возможности создания истории, отличной от истории человека» [Ле Гофф, 18].

Наиболее яркое воплощение практики отмены получают при обращении к прошлому. Ретроспекции сценариев с религиозным содержанием целесообразно разделить на три группы: 1) сценарий конкретного исторического события; 2) сценарий последовательности событий, которые приобретают символическое значение; 3) сценарий практик рефлексии по отношению

к событию с религиозным содержанием. Так, о любой религии, говоря словами М. Хальбвакса, можно сказать, что она в символической форме воспроизводит прошлое, правда, это может быть история тех значимых событий, которые находятся у истоков практикующих ее обществ, а может быть, нечто иное [Хальбвакс, 222]. Традиционно в религии задействованы смыслы, амбивалентно влияющие на понимание религиозной жизни и религиозного чувства в сообществе той религии, о которой идет речь. Простая совокупность идей о религии в широком смысле слова, не обладающая идентичностью в отношении к определенной религии, в цифровом пространстве, как форме присутствия, приобретает направленность, вектор. Мемификация и хештегирование в этом смысле представляют собой те символические своды, на основе которых происходит формирование иерархии идей о религии, моделей религиозной жизни и религиозного чувства, например, в буддизме — базовая идея о спасении, в христианстве — живой Бог. В этих направлениях задаются ориентиры символических сводов и воплощаются сценарии онтологического статуса религии в цифровом пространстве. При этом онтологический статус могут приобрести как отдельные сюжеты, истории, нарративы, так и образы.

Зададимся вопросом: какие направления исследований, в которых объектами являются мем и хештег, возникли в первой четверти XXI столетия и как в них отражаются те изменения в восприятии религии, которые произошли в отношении коллективной памяти, а следовательно, как практики «культуры отмены» отражаются на мировоззренческой совокупности религиозных идей конкретной религии? Обращаю внимание на то, что такая постановка вопроса отсылает нас к повествовательной версии (истории) историй о религии. Так, в этом контексте вполне ожидаемо исследование, посвященное анализу использования интернет-мемов для распространения религиозных идей, либо использование интернет-мемов для выражения критики и поддержки различных религий. Хотя и в том и в другом случае речь идет об исследовании классических образцов мемов до обнаружения в них трансформационного потенциала.

Рассматривая религиозное учение в целом как коллективную память церкви/религии,

особое внимание необходимо обратить на феномен поликодовых текстов.

Поликодовые тексты — это «тексты, построенные на соединении в едином графическом пространстве семиотически гетерогенных составляющих — вербального текста в устной или письменной форме, изображения, а также знаков иной природы» [Сонин, 117]. В российском научном сообществе получил признание термин «креолизованный текст», впервые он был введен в научный обиход психолингвистами Ю. А. Сорокиным и Е. Ф. Тарасовым и активно используется в настоящее время многими исследователями. В научной литературе встречаются и другие номинации, обозначающие данный феномен: видеовербальные тексты (Пойманова), семиотически обогащенный текст (Чигаев), мультикоммуникативная форма (Костомаров) и др.

Сформулируем еще один исследовательский вопрос: свидетельствует ли мемификация об изменении отношения к традиции, ведь традицией становится та социальная практика, которая способна сакрализовать свое содержание и создать пространство притяжения? Религия как выразительная форма традиции и ее воспроизводство приобретает дополнительные смыслы и цели в каждый новый исторический период. В то же время в ней сохраняются некоторые охранительные реакции, то есть не только воспроизводство, но и отказ. Отказ от производства нового или заявление новых форм в опосредованных формах «отказа». Например, устойчивые духовные ценности, воспитанные в одно время, с трудом воспроизводятся в другое время. Обрядовая практика, обладая традиционным набором элементов, может быть десемантизирована в мемах. А дополнительное значение приобретает благодаря хештегу. Как отмечают исследователи, становясь «важнейшим связующим элементом креолизованного текста, хештег выполняет роль прецедентного образа» [Ворошилова, Тиллоева, 48].

Сформулируем один из завершающих вопросов: какие сценарии евангеликализации воспроизводятся? Ведь сочетание или конфликт, применяемый в структуре мема (как в его базовой характеристике), это сценарии, распознаваемые на уровне массового сознания. Сценарии мемов и хештегов о религии

различны. Именно конфликт, применяемый в меме как следствие символического кодирования определенного объема исторического прошлого, направлен на порождение новых моделей поведенческой реакции.

В сценарии хештега воспроизводится уже не конфликт, но формируется среда для гибридизации как повод к возникновению физического интереса к событию.

Динамика интереса, воспроизводимая в процессе мемификации от сакрализации практик относительно устойчивого внимания к событию «религии» до игнорирования среды ее исторического контекста, представляет исследовательский интерес и может быть рассмотрена как вновь обретаемая религией среда присутствия. Например, следует обратить внимание на то, что игнорируется. Игнорируется ли религия в целом или игнорируется символическое значение религиозных атрибутов: например, образ Иисуса, действия, отношения к человеку; Священное Писание и его именование? Игнорируются ли символы и какие? И еще один важный момент: как ни странно, но религия в значениях, которые связаны с вечностью уникальным образом, осовременивается. Институционализируется ли мем как феномен или как способ общения с религиозным сознанием? Есть ли конвергентность у мемов? Это совокупность дополнительных исследовательских вопросов, позволяющая получить интересный набор данных о том, как преобразуется мем-коммуникация в стратегиях человеческого поведения [Аутсорсинг...].

При постановке всех этих вопросов большое значение имеет потенциал категории «исследовательское поле». В истории классического периода развития гуманитарных наук было несколько значимых для раскрытия потенциала каждой из вошедших в эту сумму наук поворотных точек. В настоящее время digital memory studies как самостоятельное направление в гуманитарном знании относится к таковым значимым траекториям. Исследовательское поле, понимаемое как благоприятная среда для формирования новых областей интерпретации, объяснения, познания совокупности феноменов и явлений, связи между которыми как раз и могут быть выявлены благодаря этому специальному образованию (исследовательскому полю), становится предметом своего

специального анализа по причине обнаружения нового взгляда на, казалось бы, знакомые явления.

У исследовательского поля, с точки зрения Дж. Олика, имеется несколько признаков, по которым возможно определить его состоятельность. К таковым известный социолог причислял терминологический аппарат, метод (методологию), определенность предмета исследования (так называемый объект анализа), институциональную структуру, способную этот объект организовать, критерии оценки результатов исследования [Olick].

С имеющимися спорами вокруг терминологии в digital memory studies возможно было отказаться от дальнейших поисков определенности границ указанного исследовательского поля, если бы не одно «но». В условиях, когда смежные науки становятся не только популярными проектами (например, нейропсихология, социальная биология и др.), но и претендуют на актуальный статус научного знания, пограничные понятия, например, такие, как цифровая память, становятся свидетельством времени. Заимствование и привнесение терминологии из одной науки в другую рассматриваются как исследовательские приемы, обогащающие смежные науки способами познания и понимания интересующих явлений и процессов. Это наблюдается не только в гуманитарном знании, но и в естественно-научном. Однако наиболее размытые критерии свойственны как раз областям наук гуманитарного профиля, в силу очень тесной связи с опытом человеческого познания и характерными для этого процессами, с опытом его онтологии и экзистенции. Для современного исследователя важно понять и иметь возможность сопоставить два плана при изложении исследовательского опыта относительно какого-либо события: что происходило фактически и что происходит в представлениях у очевидцев относительно восприятия этого события. Широта взгляда на исследовательское поле в заявленном контексте в самом общем виде может быть представлена так: религиозное учение — это некая социокультурная конструкция; в качестве коллективной памяти церкви оно (религиозное учение) обладает функциональностью; создание коллективной памяти — это процесс, а не некий результат; изучение коллективной

памяти должно быть конкретизировано по причине того, что исследовательские методы требуют концептуального единства.

В то же время метафора архивирования воспоминаний в цифровой среде перестает работать как некий статичный конструкт. Коллективные воспоминания о том, что описывал П. Нора в работе «Проблематика мест памяти», а именно «память — это жизнь, носителями которой всегда выступают живые социальные группы, и в этом смысле она находится в процессе постоянной эволюции, она открыта диалектике запоминания и амнезии, не отдает себе отчета в своих последовательных деформациях, подвластна всем использованиям и манипуляциям, способна на длительные скрытые периоды и внезапные оживления», утрачивают связь с фактической реальностью и гибридизируются в цифровом пространстве [Нора].

Предваряя будущие исследования о построенных средах, Я. Ассман одним из первых в работе «Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности» заявлял о взаимосвязи трех исследовательских тем: «“воспоминания” (иначе говоря, обращения к прошлому), “идентичности” (иначе говоря, политическому воображению) и “культурной преемственности” (иначе говоря, складыванию традиции). Каждая культура образует нечто, что можно назвать ее “коннективной структурой”» [Ассман, 15]. Указанный связующий признак культуры, касается не только двух измерений (социального и временного), но и священного, а точнее, того, что таковым становится благодаря политике памяти. В этой связи священные предметы и образы, гибридизация которых происходит в цифровой среде, могут рассматриваться как маркеры публичного порицания.

Обнаруживая будущие перспективы для развития исследовательского поля *memory studies*, как в имеющихся авторских подходах (к таковым, на мой взгляд, можно было бы отнести идеи М. Хальбвакса, а также его идейного противника Э. Ренана), так и в комплексных исследованиях современных университетов, уделяющих внимание коллективным ментальностям, особенностям их формирования на уровне индивидуального опыта и общности, хотелось бы заметить: метафорическое применение памяти как понятия уходит в прошлое,

но возникает цифровой аналог, как только появляются новые планы восприятий о прошлом, их объяснение и конкретное желание поколения сакрализовать значимые события прошлого [Ассман]. Коллективная память конкретной религии подвергается переосмыслению на фоне новых значимых событий с возрастающей скоростью, что служит отличительным признаком интернет-контента. Поэтому пограничность исследовательского поля *memory studies* в целом отвечает требованиям наук цифрового общества и таких сред присутствия, как цифровая. То, каким образом переживается событие, тесно связано с тем, как оно представлено. Поэтому важны средства и способы репрезентации, технологии, задействованные в репрезентации события и воспоминания о нем.

Поэтому в завершение несколько тезисов о возможностях применения концепции культурной травмы при осмыслении истории России и той роли, которая проявляется посредством обращения к ней при рассмотрении практик «культуры отмены». По утверждению Дж. Александера, культурная травма рассматривается в первую очередь как эмпирическое, научное понятие, которое предполагает наличие смысловых и причинных связей относительно ранее не связанных между собой событий, структур, представлений и действий. Предлагаю рассмотреть несколько важнейших репрезентаций при создании господствующего нарратива о религии в опыте истории России.

Начну с природы боли, которая символически может быть обозначена сложносоставной метафорой: пережившие 90-е и религиозное возрождение этого периода. В 90-е произошло несколько значимых событий, оказавших судьбоносное влияние на психологию и мировоззрение людей, их переживших, на их восприятие со стороны последующих поколений, на репрезентацию восприятия религии того периода. Среди оценок лидирует негативная. Речь идет о репрезентации опыта сознательного участия в общественной жизни людей 90-х, оценочной позиции, которая накладывает отпечаток на идентификацию тех, кто имел такой опыт. После периода стагнации и отсутствия видимых изменений в обществе стал возможен пересмотр множества параметров и активного участия. Появление

возможностей принять участие в изменениях общества породило как психологический протест, так и радикальные умонастроения. Природа интеллигенции была подвергнута пересмотру, а общественное устройство стало иным. Религиозное учение как коллективная память определенной религии стало рассматриваться как опыт, требующий осовременивания, и адаптация к реалиям сегодняшнего дня.

В 90-е были задействованы несколько социальных групп, однако наиболее уязвимыми оказались представители профессиональных сообществ: науки, сферы образования, медицины, промышленности. Жертвами оказались те, кто с точки зрения предыдущего идеала общественного развития обладал высокими стандартами. Система ценностей в один момент кардинально изменилась, создав разрыв между понятным и нравственно обусловленным поведением прошлого и требованиями прямо противоположного по ценностным установкам настоящего. Можно сказать, что все те, кто активно участвовал в строительстве устойчивых моделей общественного функционирования, вдруг одновременно оказались «за бортом» и были вынуждены искать новые пути социализации. Нарратив о религии в ее на тот момент современном контексте в большей степени отвечал этим поискам. В систему представлений этого периода стали активно вовлекаться опыт обмана надежд и соответственно эсхатологические представления. В частности, Дж. Александер замечает, что «каждому историческому периоду необходим нарратив, который определяет его прошлое в терминах настоящего и говорит о будущем, которое основополагающим образом отличается от современного времени и обычно обещает быть “даже лучше” него. Вот почему в теоретическом осмыслении социальных изменений всегда присутствует не просто эпистемология, но и эсхатология» [Александер, 515]. О возможности медиа конструировать образы катастрофического настоящего, вызывающего травматический эффект, писал более детально Э. Хоскинс. В конце 90-х именно мемификация событийного ряда позволила фиксировать истории о прошлом в виде последовательно воспроизводимых нарративов, заданных в современной для того периода терминологии (или обретающих таковую, если речь шла о смежных понятиях) [Дейк].

Как стала возможна связь жертвы травмы с более широкой аудиторией? Современное население России исторически уже дистанцировано от того, что происходило в 90-е. Символическую рефлексию с целью репрезентации опыта поколения людей, переживших изменения самосознания в 90-е, создают внешние по отношению к России акторы: зарубежные исследователи, представители зарубежных СМИ, религиозные движения, имеющие внешнее происхождение.

Полагаю, что, по сравнению с традиционными подходами, при изучении и осмыслении истории России есть необходимость принимать во внимание распределение смысловых полей относительно событий, представлений и действий. Их сопоставление и выработка некоторой методологической основы позволит создать новый вариант подхода при осмыслении опыта культурной травмы населения России.

Итак, подводя итог, следует сделать несколько выводов о том, что цифровая среда является построенной, сущностным свойством ее является динамизм с присущими ему множественностью и неопределенностью. Содержание, смыслы и форматы индивидуальных и коллективных реконструкций с момента проявления к ним внимания со стороны исследователей приобретают направленность. Медиа все активнее функционируют в качестве агентов памяти, заменяя метафору статичного «архива» конкурирующими между собой коммуникативными средами присутствия и порождения смыслов. Популярные истории создают образ популярного опыта, который ретранслируется в моделях сопереживания, соучастия, сочувствия. В итоге гибридизируется не только значение, но и способ коллективной и культурной коммеморации. Мемификация и хештегирование, являясь в этом смысле технологиями репрезентации события, могут изучаться как практики визуализации культуры отмены в системе цифровых повествований новой онтологии религии. В то же время символические своды, на основе которых происходит формирование иерархии идей о религии, моделей религиозной жизни и религиозного чувства, производные от процессов мемификации и хештегирования, способствуют новому содержательному наполнению религии как одного из значимых факторов, влияющих на понимание социальной реальности.

Список источников

- Александр Дж. Модерн, анти-, пост-, и нео-: как интеллектуалы объясняют «наше время» // Смыслы социальной жизни. Культуросоциология. М. : Изд. и консалтинговая группа «Праксис», 2013. С. 505–600.
- Ассман А. Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика / пер. с нем. Бориса Хлебникова. М. : Новое лит. обозрение, 2014. 328 с.
- Ассман Я. Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М. : Языки славянской культуры, 2004. 368 с.
- Аутсорсинг политических суждений: проблемы коммуникации на цифровых платформах / под. ред. Л. В. Сморгунова. М. : Полит. энцикл. (РОССПЭН), 2021. 310 с.
- Дейк Т. А. ван. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации : пер. с англ. М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. 344 с.
- Ворошилова М. Б., Тилоева С. М. Статус хештега в модели креолизованного текста // Полит. лингвистика. 2022. № 6(96). С. 46–52.
- Ле Гофф Ж. История и память / пер. с фр. К. З. Акопяна. М. : Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН), 2013. 303 с.
- Нора П. Проблематика мест памяти. Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок. СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1999. С. 17–50.
- Патцельт В. Й. Гены, мемы и знаки // Метод. 2018. Вып. 8. С. 85–211.
- Редин Ф. Д. Опыт сравнительного исследования религиозно-ориентированных интернет-мемов (на материалах сообществ в социальной сети «ВКонтакте») // Вестн. Вят. гос. ун-та. 2022. № 4(146). С. 76–89.
- Рябова М. Э. Мем-культура и ее воздействие на развитие современного общества // Вестн. Моск. гос. обл. ун-та. Серия : Философские науки. 2023. № 1. С. 126.
- Сонин А. Г. Понимание поликодовых текстов: когнитивный аспект. М. : Ин-т языкознания РАН, 2005. 220 с.
- Федорченко С. Н. Власть алгоритма: технологии легитимации политических режимов в условиях цифровизации : моногр. М. : Проспект, 2023. 480 с.
- Щурина Ю. В. Интернет-мемы как феномены интернет-коммуникации // Филология. 2012. Вып. 3. С. 160–172.
- Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / пер. с фр. и вступ. ст. С. Н. Зенкина. М. : Новое изд-во, 2007. 348 с.
- Olick J. K. Between Chaos and Diversity: Is Social Memory Studies a Field? // International Journal of Politics Culture and Society. 2009. Vol. 22. P. 249–252. <https://doi.org/10.1007/s10767-009-9059-7>

References

- Alexander, J. (2013). Modern, anti-, post-, i neo-: kak intellektualy obyasnayut “nashe vremya” [Modern, anti-, post-, and neo-: how intellectuals explain “our time”]. *Smysly sotsialnoy zhizni: Kultursotsiologiya*. M.: Publishing house and consulting group “Praxis”. 505–600.
- Assman, A. (2014). *Dlinnaya ten proshlogo: Memorialnaya kultura i istoricheskaya politika* [The Long Shadow of the Past: Memorial culture and historical politics]. M.: Novee literaturnoe obozrenie. 328 p.
- Assman, Ya. (2004). *Kulturnaya pamyat: pismo, pamyat o proshlom i politicheskaya identichnost v vysokikh kulturakh drevnosti* [Cultural memory: writing, memory of the past and political identity in the high cultures of antiquity]. M.: Yazyki slavyanskoy kultury. 368 p.
- Autsorsing politicheskikh suzhdeniy: problemy kommunikatsii na tsifrovyykh platformakh / pod. red. L. V. Smorgunova* [Outsourcing of political judgments: problems of communication on digital platforms] (2021). M.: Politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN). 310 p.
- Dake, T. A. wang. (2013). *Diskurs i vlast: Reprezentatsiya dominirovaniya v yazyke i kommunikatsii* [Discourse and power: The representation of dominance in language and communication / translated from English]. M.: Knizhnyy dom “LIBROKOM”. 344 p.
- Fedorchenko, S. N. (2023). *Vlast algoritma: tekhnologii legitimatsii politicheskikh rezhimov v usloviyakh tsifrovizatsii: monografiya* [The power of the algorithm: technologies of legitimization of political regimes in the context of digitalization: monograph]. M.: Prospekt. 480 p.
- Halbwaks, M. (2007). *Sotsialnye ramki pamyati / per. s fr. i vstup. statya S. N. Zenkina* [The social framework of memory]. M.: Novee izdatelstvo. 348 p.
- Le Goff, J. (2013). *Istoriya i pamyat* [History and memory] translated from French by K. Z. Hakobyan. M.: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN). 303 p.
- Nora, P. (1999). *Problematika mest pamyati. Frantsiya-pamyat* [Problematics of places of memory. France-memory]. SPb. : Izd-vo S.-Peterb. un-ta. 17–50.
- Olick, J. K. (2009). Between Chaos and Diversity: Is Social Memory Studies a Field? *International Journal of Politics Culture and Society*, 22, 249–252. <https://doi.org/10.1007/s10767-009-9059-7>
- Patzelt, V. Y. (2018). Geny, memy i znaki [Genes, memes and signs]. *Method*, 8, 85–211.
- Redin, F. D. (2022). Opyt sravnitel'nogo issledovaniya religiozno-orientirovannykh internet-memov (na materialakh soobshchestv v sotsialnoy seti “VKontakte”) [The experience of comparative research of religiously oriented Internet memes (based on the materials of communities in the VKontakte social network)]. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta*, 4(146), 76–89.
- Ryabova, M. E. (2023). Mem-kultura i ee vozdeystvie na razvitie sovremennoogo obshchestva [Meme culture and its impact on the development of modern society]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Filosofskie nauki*, 1, 126.

Shchurina, Yu. V. (2012). Internet-memy kak fenomeny internet-kommunikatsii [Internet memes as phenomena of Internet communication]. *Filologiya*, 3, 160–172.

Sonin, A. G. (2005). *Ponimanie polikodovykh tekстов: kognitivnyy aspekt* [Understanding polycode texts: a cognitive aspect]. М.: In-t yazykoznaniiya RAN. 220 p.

Voroshilova, M. B., Tilloeva, S. M. (2022). Status kheshtega v modeli kreolizovannogo teksta [The status of the hashtag in the creolized text model]. *Political Linguistics*, 6(96), 46–52.

Сведения об авторе

Фархитдинова Ольга Михайловна — кандидат философских наук, доцент кафедры онтологии и теории познания (секция религиоведения) Уральско-го федерального университета, г. Екатеринбург, Россия

Information about the author

Olga M. Farkhitdinova — Cand. Sci (Philosophy), Associate Professor of the Department of Ontology and Theory of Knowledge (Section of Religious Studies) of the Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia

*Статья поступила в редакцию 29.07.2024;
одобрена после рецензирования 15.11.2024;
принята к публикации 28.11.2024*

*The article was submitted 29.07.2024;
approved after reviewing 15.11.2024;
accepted for publication 28.11.2024*